

Н. И. Лихоманов (Епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин)**Жития новомучеников как литературный материал для школьного чтения**

В статье ставится проблема дидактической адаптации информации о христианских новомучениках для последующего ее использования в школьном курсе духовно-нравственного чтения. Определяется основная целевая установка такого курса – прославление христианского подвижничества в контексте национального нравственного идеала. Выдвижение этой установки уже в начальной школе обусловлено содержанием программы духовно-нравственного воспитания, в соответствии с которой следует формировать уважительное отношение к религиозным убеждениям. Автор статьи разделяет позицию, что Русская православная церковь не обладает более актуальными символами христианской нравственности, чем образы новомучеников, поэтому агиографическая литература заслуживает самого педагогического внимания. Осуществляется обращение к истории развития житийной литературы и ее современному состоянию, ставится задача научного освоения новонаписанных житий в неразрывной связи с многовековой агиографической традицией. Предлагается классификация житий по различным основаниям. В связи с этим определяется содержание понятия «житие новомучеников» в его существенных характеристиках. Выдвигаются приоритеты школьного чтения, которые должны согласовываться с различными аспектами анализа житийного текста, вследствие чего автор прибегает к дополнительным понятиям «агиобиография», «агиографический документ», «агиологический текст». Дается педагогическая интерпретация понятий «святость», «мученичество», «страдание за веру» в религиозно-просветительской и духовно-нравственной проекциях. Раскрывается структурно-типологическая модель «жития-маририя» и обосновывается рекомендация, заключающаяся в том, что в современных условиях житийные тексты о христианских новомучениках в жанрово-стилистическом отношении могут быть не столь строгими, допускать некоторое упрощение в своих содержательно-формальных признаках.

Ключевые слова: духовно-нравственное чтение, новомученики, святость, житие, агиобиография, агиографический документ, агиологический текст, педагогическая интерпретация, методические требования.

N. I. Likhomanov (Veniamin, the Bishop for Rybinsk and Danilov)**Lives of New Martyrs as School Reading Literary Material**

In the article the problem of didactic adaptation of information on Christian new martyrs is raised for its subsequent use in the spiritual and moral reading school course. The main purpose of this course is defined, it is glorification of Christian self-sacrifice in the context of the national moral ideal. Promotion of this idea in the elementary school is caused by contents of the spiritual and moral education programme according to which it is necessary to form respect for religious beliefs. The author of the article shares that position that the Russian Orthodox Church doesn't possess more actual symbols of Christian morality, than images of new martyrs therefore hagiographical literature deserves the most pedagogical attention. The appeal to development history of life literature and its current state is carried out, the task of scientific development of just written lives in indissoluble connection with the centuries-old hagiographical tradition is set. The classification of lives due various bases is offered. In this regard the content of the concept «lives of new martyrs» in its essential characteristics is defined. Priorities of school reading which have to be coordinated with various aspects of the analysis of the life text are determined, owing to that the author resorts to the additional concepts «hagiobiography», «hagiographical document», «hagiological text». Pedagogical interpretation of the concepts «sanctity», «martyrdom», «suffering for belief» of religious and educational and spiritual and moral projections is presented. The structural and typological model of «life-Martyrius» is revealed and the recommendation is proved consisting in life texts about Christian new martyrs in the genre and stylistic relation can be not so strict in modern conditions, may admit some simplification in the substantial and formal signs.

Keywords: spiritual and moral reading, new martyrs, sanctity, life, hagiobiography, hagiographical document, hagiological text, pedagogical interpretation, methodical requirements.

Исследуемая нами проблема дидактической адаптации информации о христианских новомучениках для последующего ее использования в школьном курсе духовно-нравственного чтения приобретает дополнительную остроту. Начало 2016 г. было отмечено воссозданием по инициативе Русской православной церкви такого института духовно-культурной жизни, как Общество русской

словесности. Святейший Патриарх Кирилл подчеркнул по этому поводу, что «в России на литературу традиционно возлагалась особая высокая миссия в области интеллектуального, эстетического и духовно-нравственного развития личности. Наши предшественники понимали, что родной язык и литература участвуют в формировании культурной самоидентификации личности, обес-

печивают связь с историей родного народа, с предыдущими поколениями» [4]. Общество русской словесности призвано помочь школе «выйти на тот уровень преподавания русского языка и литературы, который будет во многом содействовать не просто возрождению, но и дальнейшему поступательному развитию нашей культуры и что, может быть, самое важное, поступательному нравственному, духовному развитию личности» [4]. Для этого необходимо усиление ценностно-ориентирующей функции литературного чтения, его содержательно-методического обеспечения таким образом, чтобы, читая, школьник мог «чувствовать сопричастность по той самой исторической вертикали со своим народом, с великими событиями прошлого, разделять нравственные, духовные и культурные идеалы с национальными героями и выдающимися личностями» [4].

Мы полагаем, что восстановление преемственности в духовно-культурных ценностях требует включения в целевые установки школьного курса литературного чтения, в частности, такой, как прославление христианского подвижничества в контексте национального нравственного идеала. Выдвижение этой установки уже в начальной школе обусловлено содержанием программы духовно-нравственного развития и воспитания как неотъемлемой части образовательного стандарта [3]. В соответствии с указанной программой освоение школьниками учебных дисциплин должно способствовать ориентации на нравственный идеал, персонифицированный в образах жизни замечательных людей, примерах их героических поступков. Содержанием идеала должны выступать базовые национальные ценности, включая уважительное отношение к религиозным убеждениям.

Русская православная церковь не обладает более актуальными символами христианской нравственности, чем образы новомучеников [11], поэтому возможность их представления в литературных произведениях, адресованных школьникам, не исключая младшего школьного возраста, не должна быть упущена.

Агиографическая литература – литература о жизни и деяниях святых – заслуживает самого пристального педагогического внимания, так как значительное число христиан, пострадавших за веру, было канонизировано в лике новомучеников. Это обстоятельство, в свою очередь, объясняет причину нашего обращения к истории развития житийной литературы и ее современному состоянию. Развитие житийной литературы всегда было неразрывно связано с канонизациями святых. Ис-

следователи выделяют пять периодов канонизаций: 1) от Крещения Руси до Макариевских соборов за примерно 550 лет было канонизировано 68 святых; 2) Макариевские соборы 1547 и 1549 годов прославили 39 угодников Божиих; 3) от Макариевских соборов до учреждения Священного Синода в 1721 г. в святцах появилось 146 новых имен; 4) за Синодальный период в течение XVIII – начале XX в. в «лике святых» были прославлены 10 подвижников; 5) в советский период канонизации возобновились в 70-х гг., когда были прославлены три подвижника: в 80-х – 11, в 90-х – 14, а в августе 2000 г. архиерейским Собором Русской православной церкви было прославлено 1154 мучеников и исповедников Российских [9].

Поскольку элементом процесса канонизации является составление житий святых, результатом прославления новомучеников на рубеже тысячелетий стало возрождение жанра агиографии в России, что не осталось незамеченным историками, литературоведами, культурологами. Вследствие появления новонаписанных житийных текстов встала задача их научного освоения в неразрывной связи с многовековой агиографической традицией.

По мнению исследователей, установление связей между древними и современными текстами позволяет глубже понять культурное значение и художественное своеобразие агиографических произведений, а также оценить их образовательно-воспитательный потенциал. Осуществленный нами анализ ряда подобных работ [1, 2, 7, 9, 10] позволил прийти к следующим выводам. Агиографическая литература попадает в поле таких наук, как история и историография, религиоведение и богословие, палеография и книговедение, литературоведение и лингвистика. Объектом исследовательского интереса становятся история создания и бытования агиографических произведений, их предназначение и аутентичность, внешняя и внутренняя форма. В изучении своих содержательно-структурных и литературно-языковых особенностей житийные тексты дают возможность реконструировать духовно-культурные параметры жизни общества, проследить эволюцию религиозных представлений, их отражение в нравственных оценках и человеческих идеалах, в предпочитаемых способах достижения святости.

Классификация житий производится по различным основаниям: временному признаку (древние жития и «неоагиография»), по характеру прочтения (литургические и бытовые), по назначе-

нию (патериковые, проложные, минейные), по предмету (о святых, святыхищах, реликвиях и пр.), по типам святости (жития мучеников, исповедников, преподобных и др.), по литературным формам (мартирии, панегирики, похвальные слова и т. д.), по исторической достоверности (достоверные и легендарные).

Вместе с тем оперирование понятием жития в заявленной нами педагогической плоскости духовно-нравственного чтения требует обобщенного наполнения его содержания, которое на основе соотнесения существующих в этом терминологическом «поле» трактовок может быть представлено в такой формулировке: житие – агиографическое произведение, написанное по определенному канону и функционирующее в качестве историко-культурного, в том числе литературного, памятника, атрибута церковного богослужения и текста для религиозно-образовательного и нравственно-назидательного чтения. Конкретизируя предложенное содержание понятия относительно жития новомучеников, мы определяем его как информационно достоверное неоагиографическое произведение о новопрославленных святых, выступающее историко-культурным памятником и являющееся в качестве литературного текста для школьного чтения средством решения историко-образовательных, филологических, просветительских, духовно-нравственных задач, а в совокупности с примыкающими литургическими текстами (похвальными словами, кондаками, икосами и пр.) приобретающее вероисповедную направленность.

Выдвигаемые целевые приоритеты чтения должны согласовываться с различными аспектами анализа житийного текста. В их определении мы прибегаем к дополнительным понятиям «агиобиография», «агиографический документ», «агиологический текст», используемым в ряде исследований.

Агиобиография, то есть собственно житие, – это написанная по канону биография святого. В свою очередь, под агиографическим документом понимается всякое житие в аспекте создания и распространения соответствующего культа как объекта научного изучения. Житийное произведение всегда непосредственно соотнесено со всей системой существующих религиозных воззрений и потому отражает ее, будучи не только литературным, но и религиозно-культурным явлением. Наконец, в качестве агиологического текста житие рассматривается как произведение, несущее идею святости в ее образном воплощении и утвержда-

ющее ее как нравственно ориентирующую цель человеческой жизни.

Названные аспекты анализа житийного текста определяют подходы к использованию житий новомучеников для духовно-нравственного чтения. Агиологический подход к житиям христианских новомучеников основывается на принадлежности этих произведений к литературе о святых, однако не сводится в нашем исследовании к теософическому использованию святости. Мы исходим из того, что объем и содержание понятия «святости» должны быть обусловлены логико-понятийным осмыслением сущности святости не только как религиозной категории, но и как духовно-нравственного феномена и могут варьироваться по мере исторического развития понятия.

В церковной трактовке ключевой смысл святости состоит в обожении человека, его преображении под действием Божией благодати. К святым с древности причисляются те из христиан, кто принял за веру мученическую смерть. Буквально слово мученик означает «свидетель»: мученики жертвенно свидетельствуют о силе данной им благодати, превращающей мучения в радость и осеняющей их святостью. Соответственно, требуется педагогическая интерпретация понятий «святость», «мученичество», «страдание за веру» в религиозно-просветительской и духовно-нравственной проекциях.

Вместе с тем, даже оставаясь в рамках церковной литературы, жития святых предлагают более широкое, чем религиозное, осмысление святости. В качестве агиографического документа они предполагают сложившимися в социокультурных представлениях нравственными показателями святости: «нравственного всесовершенства» (И. И. Срезневский) человеческой личности, благочестивой жизни, жертвенного подвига в ее итоге через принятие мученической смерти. В новейшей истории особенность нравственного наполнения понятия святости заключается в том, что ее характеристиками становятся духовно-нравственная стойкость в связи с личной активностью, а олицетворением их вершин в ореоле святости выступают христианские новомученики.

Несмотря на то, что идея святости изначально ассоциировалась с ее земными носителями, следование канону в агиобиографическом жизнеописании накладывает на него свой отпечаток. Мы, используя выражение А. А. Ухтомского, назовем такой подход «творческой идеализацией». Житие, изображая человека, по возможности стремилось устранить все черты его индивидуального харак-

тера: только освобожденный от всего «временного», частного и случайного человек мог стать героем агиографического повествования. Изображение героев житий не допускало «полутонов» и должно было быть однозначно положительным. В. О. Ключевский подчеркивал: «Житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии не портрет, а икона» [6, с. 240]. Это необходимо учитывать при составлении житий новомучеников, даже если за образом святого стоит тот же реальный человек с не менее реальной биографией.

В придании тексту жизнеописаний новомучеников «литературного статуса» жития следует принимать во внимание не только его идейное содержание, но и форму его выражения. Ретроспективный анализ литературно-жанровой системы показывает, что в прошлом формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их употребления и внешними традиционными признаками. Относительно житий святых в научной печати отмечается следующее: «правильному житию» было свойственно неторопливое повествование в третьем лице; иногда допускалось отступление: обращение автора к читателю, похвала от своего имени святому. В композиционном отношении были обязательны три части: вступление, собственно житие, заключение. Во вступлении автор должен просить прощения у читателей за свое неумение писать, за грубость изложения и т. д. В заключении должна быть похвала святому» [5, с. 16–17]. Возникающий здесь вопрос заключается в том, как в этом случае житие новомучеников сможет не утратить своей достоверности, не перейти в разряд легенд, преданий. Ответ на этот вопрос включает несколько моментов. Во-первых, сохранение достоверности жития должно обеспечиваться содержательной стороной текста, избирательностью фактического материала, отделением подлинных фактов от домыслов, политической тенденциозности. Во-вторых, в качестве агиобиографии жизнеописание новомучеников должно быть не информационно-справочным, а информационно-оценочным, с отбором сведений, значимых для раскрытия смыслов понятия «святость», и опусканием несущественных фактов. Более того, допустима замена малоизвестных (или совсем неизвестных, непроверенных) фактов «общими местами» в значении текстовых содержательных клише, принятых в канонической форме, типизированными сюжетными «вставками» – например, молитвой перед смертью в описании акта мучени-

чества. При этом в плане соблюдения формы жития недостаточно ограничиваться условнориторическим, религиозно-сентиментальным стилем изложения. Желательно присутствие литературной «изукрашенности» стиля в той мере, которая обеспечивала бы накопление первичных представлений о художественной специфике жития (внешней и внутренней форме, языке, символике), сохранение жанровых особенностей литературной формы жития в той степени, которая позволила бы отличать его от сказки, рассказа, былины, легенды.

Но при всей консервативности жанровой системы, сложившейся в русском средневековье, она, отмечал Д. С. Лихачев, допускала в себе рождение новых произведений [8]. Создание новых житий в связи с новыми канонизациями не могло не сказаться на развитии жанра, появлении внутри него определенных разновидностей в зависимости от времени и места составления жития, его назначения, чина святости, характера почитания и пр. На этом основании некоторыми исследователями делаются довольно радикальные заявления: «Постоянная ошибка многих пишущих об агиографии заключается в ссылке на некий якобы существующий литературный канон жития. Такого канона не существует (он никем и никогда не описан), так как не существует и жанра жития “вообще”. В реальности имеются конкретные жанровые разновидности, каждая из них обладает специфическим, только ей присущим сюжетно-композиционным строением, каноном. Кроме расхождения, есть и сходства, на основе которых можно выстроить некую общую модель жития, но она будет не более чем абстрактным построением» [1, с. 59].

Действительно, агиографическая литература делится исследователями на различные группы, типы, виды, часто пересекающиеся между собой. Определяясь в своей позиции по данному вопросу, мы исходим из предмета исследуемого материала – жизнеописаний новомучеников, относящихся к группе житий под названием «мартирий». Этим термином обозначается тип житий-мучений, заимствованный из Византии, восходящий к самому раннему слою жизнеописаний периода, когда христианство было гонимой верой, за которую подвижники платили своей жизнью [12]. Это путь к святости тех, кто «...тело свое предаша на поругание узам, и темницам, и ранам, конечное, кровь свою проливающе, въсприимаху царство небесное и венец неуведаемый» («Житие Михаила Ярославовича Тверского»).

Структурно-типологическая модель «жития-мартирия» включает следующие элементы жизнеописания героя-мученика: предварительные сведения (исторические или легендарные) о событиях, которые привели к гибели; рождение от «блаженных» («святых», «благочестивых») родителей; раннее проявление любви к Богу, интереса к христианскому учению, грамоте, книжности; желание мученической смерти; конфликт с иноверцем; заключение; суд; отказ выполнить языческий (нехристианский) обряд; защита догматов христианской веры; приговор; казнь; посмертные чудеса.

Однако венец мученичества в новейшей истории принимали на себя и преподобные отцы (преподобномученики), и исповедники веры. Это означает, что, с одной стороны, на основании сходства можно выстраивать некую общую структуру житийного текста, с другой – разновидность житийного жанра допускает встраивание в повествование дополнительных сюжетных линий и требует расставления акцентов: в житии исповедника – на отстаивании догматов христианской веры, в житии преподобного – на пребывании в монастыре, молитве и борьбе с искушениями, а в житии мученика – на самой казни и смерти за веру.

Изучение истории вопроса показывает, что задача распространения житийной литературы для «душевнополезного чтения» привела к появлению «переложений» церковных текстов-оригиналов. Под пером писателей «переложения» житий святых приобретали некоторые свойства художественного повествования, и такая «беллетризация» житий делала их более привлекательными для читающей публики. С другой стороны, адаптация житийных текстов к полуграмотному массовому читателю выражалась в минимизации их объема, придании им лубочного характера. С подготовкой такого литературного материала могли справиться даже приходские священники и преподаватели духовных школ.

Ссылка на существовавшую практику включения житийной литературы в круг чтения населения позволяет нам высказать мнение о том, что в современных условиях существования того же полуграмотного (в смысле религиозной образованности и школьного возраста) читателя житийные тексты о христианских новомучениках в жанровом, стилистическом отношении могут быть не столь строгими, допускать некоторое упрощение в своих содержательно-формальных признаках. Кроме того, с учетом проявляющейся в настоящее время тенденции расширения визуального канала

восприятия информации, наверное, можно подвергать житийный текст более активной креолизации – с точки зрения сочетания в нем вербального и невербального компонентов, усиливая роль последнего в изображении героев произведения и передаче сюжета повествования. Сказанное вовсе не означает, что понятие жития святых в сознании читателя (начиная с младшего школьного возраста) должно стать аморфным. Для предупреждения этого необходимо и соблюдение методических требований к отбору имеющегося литературного материала, посвященного жизнеописаниям новомучеников, а также к его возможным переложениям и творческим обработкам на разных образовательных ступенях.

Отдельную методическую проблему составляет характер чтения житий новомучеников, что диктуется имеющейся разницей в их литургическом и бытовом прочтении, уровнем сформированности навыка чтения у детей.

Библиографический список

1. Васильев, В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени: монография [Текст] / В. К. Васильев. – Красноярск : ИПК СФУ, 2009. – 260 с.
2. Гжибовская, О. В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. В. Гжибовская ; Казанский гос. ун-т. – Казань : КГУ, 2009. – 44 с.
3. Данилюк, А. Я., Кондаков, А. М., Тишков, В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – М. : Просвещение, 2014. – 24 с. – (Стандарты второго поколения).
4. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на учредительном собрании Общества русской словесности (9 марта 2016 года) [Электронный ресурс]. – М., 2016 – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4392379.html>
5. Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы [Текст] / И. П. Еремин. – 2-е изд., доп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 328 с.
6. Ключевский, В. О. Сочинения [Текст] : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 2: Курс русской истории: историческая литература, Ч. 2. – 1988. – 446 с.
7. Коренева, Ю. В. Ценность агиографического произведения: лингвокультурологический аспект [Текст] / Ю. В. Коренева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2014. – № 3. – С. 8–13.
8. Лихачев, Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. – Л. : Наука, 1986. – С. 79–95.

9. Лоевская, М. М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох [Текст] : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / М. М. Лоевская ; Московский гос. ун-т. – М. : МГУ, 2005 – 46 с.

10. Руди, Т. Р. О композиции и топике житий преподобных [Текст] / Т. Р. Руди // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 57. – С. 431–500.

11. Семенов-Басин, И. В. Современная российская агиография и проблемы культурно-исторической памяти [Текст] / И. В. Семенов-Басин // Вестник РГГУ. – 2009. – № 15. – С. 154–159.

12. Шастина, Т. П. Древняя русская литература [Текст] : учебно-методический комплекс для студентов филологических специальностей / Т. П. Шастина. – 2-е изд. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ Универ-Принт, 2003. – 92 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Vasil'ev, V. K. Sjuzhetnaja tipologija russkoj literatury *НН–НН веков* (Arhetipy russkoj kul'tury). Ot Srednevekov'ja k Novomu vremeni: monografija [Текст] / V. K. Vasil'ev. – Krasnojarsk : IPK SFU, 2009. – 260 с.

2. Gzhibovskaja, O. V. Zhitija svjatyh v rossijskoj istoriografii XIX – nachala XX v. [Текст] : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 / O. V. Gzhibovskaja ; Kazanskij gos. un-t. – Kazan' : KGU, 2009. – 44 s.

3. Daniljuk, A. Ja., Kondakov, A. M., Tishkov, V. A. Koncepcija duhovno-nravstvennogo razvitija i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii [Текст] / A. Ja. Daniljuk, A. M. Kondakov, V. A. Tishkov. – М. : Prosveshhenie, 2014. – 24 s. – (Standarty vtorogo pokolenija).

4. Doklad Svjatejshego Patriarha Kirilla na uchreditel'nom sobranii Obshhestva russkoj slovesnosti (9 marta

2016 goda) [Elektronnyj resurs]. – М., 2016 – Rezhim dostupa: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4392379.html>

5. Eremin, I. P. Lekcii i stat'i po istorii drevnej russkoj literatury [Текст] / I. P. Eremin. – 2-е изд., доп. – Л. : Izd-vo LGU, 1987. – 328 s.

6. Ključevskij, V. O. Sochinenija [Текст] : v 9 t. / V. O. Ključevskij. – М. : Mysl', 1987–1990. – Т. 2: Kurs russkoj istorii: istoričeskaja literatura, Ch. 2. – 1988. – 446 s.

7. Koreneva, Ju. V. Cennost' agiograficheskogo proizvedenija: lingvokul'turologičeskij aspekt [Текст] / Ju. V. Koreneva // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija». – 2014. – № 3. – С. 8–13.

8. Lihachev, D. S. Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoj literatury [Текст] / D. S. Lihachev // Issledovanija po drevnerusskoj literature / otv. red. O. V. Tvorogov. – Л. : Nauka, 1986. – С. 79–95.

9. Loevskaja, M. M. Russkaja agiografija v kul'turno-istoričeskom kontekste perehodnyh jepoh [Текст] : avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01 / M. M. Loevskaja ; Moskovskij gos. un-t. – М. : MGU, 2005 – 46 s.

10. Rudi, T. R. O kompozicii i topike zhitij prepodobnyh [Текст] / T. R. Rudi // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2006. – Т. 57. – С. 431–500.

11. Semenov-Basin, I. V. Sovremennaja rossijskaja agiografija i problemy kul'turno-istoričeskoj pamjati [Текст] / I. V. Semenov-Basin // Vestnik RGGU. – 2009. – № 15. – С. 154–159.

12. Shastina, T. P. Drevnjaja russkaja literatura [Текст] : učebno-metodičeskij kompleks dlja studentov filologičeskijh special'nostej / T. P. Shastina. – 2-е изд. – Gorno-Altajsk : RIO GAGU Univer-Print, 2003. – 92 s.